

Северный Кавказ: распределение ресурсов и власти на локальном и региональном уровнях

Алексей Гуня, Москва/Берлин

1. Введение

Северный Кавказ состоит из девяти регионов России, из которых семь являются национальными республиками (Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия, Чечня). Этническое разнообразие региона очень высокое. Ресурсы и власть распределены между различными этносами неравномерно. Одной из важных причин является различие горных и предгорно-равнинных территорий, которое приводит к объективному неравенству горных и равнинных этносов, определяет зависимость горных народов от центров, а также от более ресурсообеспеченных и развитых равнинных районов. В советское время существовала политика выравнивания условий развития за счет субсидий и льгот для горных жителей. Разрушение этой политики в 1990-е годы обнажило быстро растущие диспропорции в развитии удаленных, трудно доступных и малообеспеченных ресурсами районов в отличие от близлежащих к центрам, хорошо доступных и обеспеченных территорий. Применявшаяся в советское время система национального представительства в органах государственной власти продолжает существовать, хотя и значительно трансформировалась с учетом новых социально-политических условий.

В настоящее время механизм распределения ресурсов и власти на региональном и локальном уровне включает элементы советской системы, некоторых рыночных правил, а также традиционных норм в виде, например, обычного права (в основном на локальном уровне). Связь между локальными и региональными, формальными и неформальными, старыми и новыми институтами осуществляется на основе институциональной гибридации, обеспечивающей компромиссные условия для равномерного и бесконфликтного развития. Наиболее важны следующие сферы гибридации, в которых происходит регулирование распределения власти и ресурсов на региональном и локальном уровнях на Северном Кавказе:

1) *Официальная власть в регионе*, представленная сочетанием старых кадров советского партийного электората и национальных и семейно-родственных неформальных элит, как правило, сильно завязанных на местном бизнесе. Часть региональных лидеров имеет партийное прошлое (Коков, Дзасохов). Существует разграничение полномочий между федеральной и региональной властью. Некоторые позиции (например, министерство внутренних дел, ФСБ, налоговая служба, национальный банк и др.) контролируются и утверждаются Москвой.

2) *Официальный и теневой бизнес*, который частично сросся или срастается с властью, а также опирается на семейно-родственные и земляческие связи.

3) *Институты ресурсопользования* (в основном землепользования, водопользования, отчасти использования рыбных ресурсов, например, в Дагестане), затрагивающие экзистенциальные основы жизнедеятельности людей. Это потенциал для массовой мобилизации, а также объект манипулирования массовым поведением людей.

2. Распределение ресурсов и власти между центром и северо-кавказскими регионами

Иерархия власти. Существует несколько иерархических уровней распределения власти и ресурсов: федеральный центр, федеральные округа, регионы (области, края, республики, автономные округа), административные районы, местные (локальные) сельские и городские администрации. Еще несколько лет тому назад центральная власть непосредственно контактировала с 89 регионами Российской Федерации. В 2000 году Путиным создано промежуточное звено – 7 федеральных округов, имеющего целью усиления вертикали власти. Северный Кавказ входит в Южный Федеральный округ. Знаменательным событием последнего времени стало смена представителя президента в этом округе, (генерала Казанникова на Владимира Яковлева, который в недавнем прошлом был губернатором Санкт-Петербурга). Этим как бы подчеркивается новый, демилитаризованный этап развития Северного Кавказа.

Южный Федеральный округ состоит из 13 регионов, имеющих разное название (области, края, республики), но по сути один статус в составе России. Именно этот уровень является основным в проведении политики и регулировании конфликтов. Огромные полномочия сосредоточены на уровне президентской (в национальных республиках) и губернаторской (в краях и областях) власти. Между федеральным центром и регионами идет постоянная борьба за распределение полномочий и приведении регионального законодательства в соответствие с федеральным. Так, еще два года назад каждый третий нормативный акт в Кабардино-Балкарии не соответствовал Конституции России. «Наступление» федеральных властей на региональные власти расценивается национальными лидерами как урезание прав субъектов (Аккиева 2003).

Административные районы и местные (сельские, поселковые, станичные, городские) администрации

имеют незначительные полномочия, в основном выполняя распределительные, некоторые контрольные и статистические функции. Хотя в некоторых регионах районы созданы по национальному признаку (например, Дагестан, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия). В Кабардино-Балкарии требования балкарских лидеров к восстановлению упраздненных в 1944 году балкарских районов служило поводом для нагнетания напряженности в начале 1990-х годов. В результате был создан лишь один балкарский район – Эльбрусский. В Краснодарском крае шапсуги также выдвигали требования для организации «своего» района.

Отношение к центральной власти и выборы президента России

Все национальные регионы Северного Кавказа являются дотационными. Наибольшие объемы государственных средств поглощала и поглощает Чечня. Вопрос о хищениях государственных средств, направленных на восстановление Чечни, неоднократно поднимался в печати, но быстро затухал.

Каждый из руководителей регионов имеет свои негласные каналы (в основном через своих людей в администрации Президента), как приблизиться и замолвить слово перед президентом России, выпросить дополнительные финансовые средства, продемонстрировать свою значимость перед существующими и несуществующими проблемами.

Последние выборы президента России ярко демонстрируют готовность региональных властей высказать центральной власти в Москве свою лояльность. Все регионы, прилегающие к Чечне, дружно и почти как в советское время дали самый высокий процент голосов за Путина (рис. 1). Особенно «постаралась» Ингушетия – более 98%. Нет сомнения в том, что эти регионы в случае необходимости могли бы дать и большие результаты, сравнимые с советскими временами, когда на выборах подсчитывали лишь сотые доли после 99%. Нет смысла также говорить о том, были ли результаты голосования подтасованы или нет. В данном случае результаты выборов в национальном регионе надо воспринимать как выраженное в цифрах «мнение» региональной власти, которая объективно была и остается абсолютным авторитетом для большинства населения в регионах.

Чем дальше от Чечни, тем меньше в регионах было подано голосов за Путина. Осколки «красного пояса» (Краснодарский край) резко контрастируют по количеству голосов, отданных за Путина, с национальными регионами. Определенный плюрализм сочетается, к сожалению, с весьма жесткой политикой края к этническим мигрантам (например, к туркам-месхетинцам), попустительству националистических выступлений против нерусского населения.

Власть как ресурс и ресурсы как власть

Основным нематериальным ресурсом является власть, или административный ресурс. Борьба за этот ресурс пронизывает все институты и слои общества. В целом этот ресурс уже был распределен к середине 1990-х годов. В настоящее время административный ресурс находится в центре борьбы между дельцами крупного бизнеса. Свободных рыночных механизмов в большинстве республик пока нет – все осуществляется под контролем региональных властей. Стоящие во власти имеют и доступ к организации бизнеса, а также имеют в своих руках больше возможностей подавлять конкурентов. Бизнесмен, который захочет вести «честный» бизнес в национальных республиках, вряд ли продержится, не имея поддержки сверху. При чем инструменты влияния могут быть вполне легальными и формально законными, но очень изощренными, использующими разнообразные формальные предписания (пожарники, архитекторы, санэпидемнадзор и пр.).

Основными материальными ресурсами на Северном Кавказе являются: нефть, рыбные ресурсы Каспийского моря, земля, лес (на Западном Кавказе), рекреационные ресурсы, а также некоторые редкие полезные ископаемые (например, свинец в Северной Осетии, вольфрам и молибден в Кабардино-Балкарии, золото в Карачаево-Черкесии и др.). Специфическим ресурсом является территория, которая может быть для организации транзитных транспортных потоков. Использование большинства ресурсов, особенно нефти, ресурсов Каспийского моря, находится под строгим контролем федеральных властей. За ресурсы идет конкуренция трех групп бизнеса: интернационального (например, Shell), российского (например, Lukoil) и национального (региональные предприятия и фирмы). Если два первых уровня предпринимательства в принципе интегрируют все пространство Северного Кавказа, в целом играя позитивную роль в предупреждении конфликтов, то национальный уровень бизнеса принципиально дезинтегрирован. В значительной степени это обусловлено также тем, что принципы организации предпринимательских институтов основаны на семейно-родственных связях, где положительные моменты (доверие, надежность, высокая степень мотивации и др.) сопровождаются отрицательными (слабое проникновение инноваций, уход от конкуренции и критики и др.). Республики ограничивают роль внешнего бизнеса за счет предоставления региональным бизнесменам более благоприятных условий. Внешне это ярко заметно, например, по бензоколонкам. Если в центральной России даже в глубинках этот бизнес монополизирован двумя-тремя крупными фирмами типа Лукойл, то в ряде северокавказских регионах существует разнообразие собственных фирм, принадлежащих, как правило, семьям правящих элит.

Территориальный ресурс: транспорт и самостоятельность регионов

Мечта каждого региона иметь свои транспортные коридоры. Но лишь в трех регионах (Дагестане, Северной Осетии и Краснодарском крае) существует развитая система транзитных трасс.

Во время короткой самопровозглашенной независимости от России Чечня сразу же проложила дороги к Грузии (тем более, что некоторая часть границ с Грузией на территории Чечни проходит не только по горным хребтам как в большинстве северокавказских республик, а по долинам рек) и даже участвовала в продолжении этих дорог уже по самой территории Грузии через горные хребты.

Ингушетии осталось только сожалеть, что начатое в советское время строительство кавказской перевальной железной дороги из России в Грузию, которая должна была пройти и по территории Ингушетии, было остановлено.

Северная Осетия всегда являлась основной опорой федерального центра на Северном Кавказе. Она имеет две дороги в Грузию: через Казбегский район Грузии и через Рокский туннель. Дорога через Рокский туннель в Южную Осетию используется для снабжения товарами как Южной Осетии, так и Грузии. В ней заинтересованы не только политические, но и различные криминальные структуры, завязанные на выгодном, практически беспрошльном бизнесе (таможня только со стороны России).

Карачаево-Черкесия и Адыгея давно стремились к строительству дорог через свои республики к Черному морю. Однако на территориях, через которые смогли бы быть построены дороги, находятся заповедники федерального подчинения. Без соответствующего разрешения из Москвы любая деятельность на них невозможна. Пример тому уже многие годы длящийся конфликт между руководством Республики Адыгея, имеющего планы строительства дороги к Черному морю через территорию Кавказского биосферного заповедника, и заповедником, находящимся в подчинении федеральных органов.

Конфликты

В настоящее время большинству северокавказских республик выгодно либо приукрашивать результаты улаживания конфликтных ситуаций (Чечня), либо, наоборот, представлять ситуацию напряженной, чтобы легче «выбивать» из госбюджета дополнительные средства на развитие (Кабардино-Балкария). И в том и другом случаях руководители регионов стараются засвидетельствовать перед Москвой результаты своей борьбы за мир. Не всегда гонорар за их старание имеет прямую финансовую помощь. Иногда это превращается в закрывании глаз на узурпацию власти в регионах, сопровождающуюся распределением постов среди родственников.

3. Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкесия

Власть

Кабардино-Балкария представляет самую западную северокавказскую республику, в которой более 90% голосов было отдано за Путина. Уже в Карачаево-Черкесии доля голосов за Путина составляет лишь 82%. Эти два региона являются близнецами с точки зрения сочетания этносов (таблица 1), но представляют различные случаи разрешения конфликтных ситуаций.

В Кабардино-Балкарии конфликтная ситуация 1990-х годов была разрешена успешно, в то время как в Карачаево-Черкесии до сих пор сохраняется определенная напряженность. Мирное существование в Кабардино-Балкарии характеризуется высокой долей централизации власти, подавлением оппонентов и оппозиции, слабым развитием демократических институтов, многие из которых являются лишь вывесками и призваны обеспечивать интересы региональной власти. Президента В. Кокова не принято критиковать. Он уже на протяжении около 12 лет является признанным лидером и выглядит успешным миротворцем, предотвратившим потенциальные конфликты в республике в начале 1990-х годов. Однако среди интеллигенции много недовольных как снижением уровня демократии в республике, так и застоём в экономике. Кабардино-Балкария с ее централизацией власти и подавляющей поддержкой Кокова еще в конце 1990-х годов являлась реальной предтечей для нынешней путинской России.

В Карачаево-Черкесии сохраняется напряженность в вопросах распределения власти между карачаевцами, с одной стороны, и черкесами, а также казачеством, с другой. При этом, напряженность между карачаевцами и казачеством более весома. Наиболее значимыми стали события при выборах главы республики в 1999 и 2003 годах. Если при выборах 1999 года основными кандидатами были представители карачаевцев (Семенов) и черкесов (Дерев), то уже осенью 2003 года основными кандидатами были только карачаевцы. Русское население не выдвинуло сколько-нибудь значимых фигур, так как многие считают закономерным поддержать именно национального кандидата. Такая же ситуация была и в Адыгее, где русские, имея около 67% населения, поддержали кандидатуру адыга. Он набрал почти 69% голосов, в то время как русский кандидат лишь около 10%.

Раскол общества на сторонников власти и оппозицию по-прежнему остается важным фактором нестабильности в республике. После выборов президента Карачаево-Черкесии в 2003 году победили сторонники Батдыева, более грамотно прошедшего избирательную кампанию. Прежний президент – генерал Семенов – потерпел поражение вследствие недооценки соперника и социально-политической ситуации. Несмотря на то, что оба претендента являются карачаевцами, новому президенту удалось привлечь на свою сторону

черкесов, абазин, казаков. Оппозиция долго пыталась опротестовать результаты выборов. Палаточный лагерь в столице республики г. Черкесске продержался практически до зимы и был насильственно ликвидирован победившей на выборе властью.

Краткое сравнение ситуаций в двух близких республиках позволяет выделить следующие основные группы факторов, приведшие к разным уровням конфликтности в республиках:

1. *Стратегия и тактика действий этнических элит* (как своеобразный институт этнические элиты играли и продолжают играть существенную роль практически во всех национальных регионах России (Дробужева, 2003)). Причинами более стабильной ситуации в Кабардино-Балкарии стало удержание власти советско-партийными структурами, состоявшими в основном из кабардинцев. Формирование правящей элиты сопровождалось быстрой адаптацией к новым условиям, демонстрацией лояльности федеральному центру. Выступления балкарцев под лозунгами реабилитации народа, который вместе с карачаевцами и некоторыми другими северо-кавказскими народами был полностью выселен в Среднюю Азию, не смогли нарушить относительно стабильную социально-политическую ситуацию в республике. Более мощные выступления в начале 1990-х годов исходили из кабардинских национальных и демократических движений. Но лидеры этих, равно как и балкарских движений, были быстро нейтрализованы или кооптированы.

В Карачаево-Черкесии, где карачаевцы составляют около 35% населения, идеи реабилитации широко использовались при мобилизации масс. Советская система оказалась ненадежной и весьма уязвимой для критики, поскольку она непосредственно была связана с проведением репрессий против карачаевского народа, а затем искажением или замалчиванием правды. Последовавшая в 1990-е годы череда смен в правительстве республики отражала неустойчивость, слабость власти.

2. *Отношение к внешним актерам.* Кабардино-Балкария ограничивала влияния внешних лидеров, укрепляла цензуру внутренней печати, а также налаживала каналы влияния и на центральную печать с целью недопущения просачивания в центральные газеты нежелательной информации о республике. Создавался и всячески поощрялся имидж республики как наиболее миролюбивой на Северном Кавказе. До сих пор в республике резко ограничена деятельность неправительственных организаций.

Карачаево-Черкесия, наоборот, осталась открытой для прессы, что в некоторых случаях обернулось против нее. Ряд публикаций незаслуженно выставляет Карачаево-Черкесию очагом нестабильности и даже ваххабизма на западном Кавказе.

3. *Отношение к власти преобладающих этносов.* Одной из важных причин относительно сильной власти в Кабардино-Балкарии и относительно слабой в Карачаево-Черкесии следует назвать отношение к власти у преобладающих этносов: кабардинцев в Кабардино-Балкарии и карачаевцев в Карачаево-Черкесии. У кабардинцев, имевших исторически развитое сословное общество, отношение к власти институализировано. У карачаевцев же отношение к власти имеет значительный эмоциональный и в какой-то мере духовный аспект. Возможно, вследствие этого карачаевцы легче мобилизуются под влиянием различных идей.

Бизнес

По роли традиционных связей в бизнесе выделяется мелкий и крупный бизнес. Крупный бизнес сросся с управлением и властью во всех республиках. Наемными рабочими в нем могут быть лица разных национальностей. Но верхушка всегда мононациональная, например, в Кабардино-Балкарии, чаще кабардинская. Не является секретом тесная связь родственников правящих элит с крупным бизнесом. В этом отношении своеобразным разрешающим знаком послужили «достижения» семьи Ельцина в середине 1990-х годов.

В Кабардино-Балкарии около 2 тыс. предприятий мелкого бизнеса. Ими производится около 10% валового внутреннего продукта, в частности почти вся торговля. Наиболее эффективным способом решения проблем считается использование личных связей. Это связано с рядом преимуществ по сравнению с официальными каналами: быстрота, доверие, отсутствие угрозы утечки информации, бесплатность консультаций и др. На первом месте стоят аренда помещений, поиск поставщиков и потребителей, приобретение транспорта и оборудования. На втором – использование банковских кредитов (50% фирм), ссуд у родственников (четверть фирм). И лишь на третьем – использование помощи местных властей через личные связи (Таов, Гуртуев, 2003).

Новый президент Карачаево-Черкесии имеет большой опыт в банковской сфере. В своей программе он делает акцент на экономическое развитие, что подкупило многих избирателей, которые надеются на улучшение экономической ситуации в республике. Как признают многие респонденты-карачаевцы, в бизнесе более удачливы черкесы, которые лучше кооперируются и организуют бизнес. Карачаевцы владеют шестью из восьми водочных заводов. Но по высказыванию самих карачаевцев, это наиболее примитивный бизнес. Технологически более сложные отрасли промышленности управляются черкесами (например, братья Коновы).

Бизнес в обеих республиках заинтересован в стабильности. Однако, учитывая тесную связь национального бизнеса с властью и слабой развитостью демократических механизмов, можно ожидать, что бизнес будет

вовлечен как мощное средство при дележе постов, в выборах. Особенно это касается Карачаево-Черкесии.

Экзистенциальные основы как потенциальный фактор мобилизации населения

Карачаевцы и черкесы, кабардинцы и балкарцы веками жили вместе на одной территории. Объективное напряжение в конкуренции за ресурсы не выливалось в конфликты. Две этнические группы могут неопределенно долго и практически бесконфликтно сосуществовать на одной и той же территории, если они в силу специфики традиционного хозяйства и культуры природопользования занимают разные экологические ниши, и потому не соперничают друг с другом из-за контроля над доступом к средствам их существования (Ямсков, 1998). Родственные народы карачаевцы и балкарцы занимают горные части, в то время как черкесы, кабардинцы, абазинцы – равнинные территории. У карачаевцев и балкарцев на первом месте стоит животноводство, а земледелие играет второстепенную роль. У адыгских народов (черкесов, кабардинцев, абазинцев) – наоборот, первое место всегда занимало земледелие.

Структура землепользования осталась такой же, как и в советское время. Коллективные хозяйства (колхозы и совхозы) как типичный результат институциональной гибридизации, остались по сути прежними, поменяв лишь свои названия. В основе их функционирования лежат механизмы землепользования, соединяющие традиционные неформальные и формальные институты. Крестьяне, как и в советское время, лишены основных прав на землю, несмотря на формальное разделение долей в начале 1990-х. Локальные власти не имеют больших полномочий по перераспределению земли (хотя в этом отношении ситуация в Карачаево-Черкесии лучше, чем в Кабардино-Балкарии). Расслоение общества на богатые и бедные захватило и сельскую местность. Те, кто имеет выгодные связи в городе (через родственников, бизнес на рынке и др.), становятся все более богатыми. Элементарные основы существования (пища, жилище, пенсии и др.) имеет практически все население. Однако надо учитывать высокий уровень фактической безработицы в сельской местности (до 80%), а также менталитет народов, при котором жить бедно не принято, а в какой-то степени и позорно. Поэтому потенциал для мобилизации безработного и малоимущего населения, который уже реализовался в серии общественных конфликтов в конце 1990-х годов (Степанов, 2002), огромен.

Риски и сценарии развития

1. «Пролетаризация» (обеднение населения в результате урезания прав на ресурсы, образование, медицинское обслуживание и др.) и этническое обезличивание. При этом сценарии возможен спад межэтнической и рост социально-политической напряженности. Возможны два варианта пролетаризации:

- a. быстрая и относительно равномерная «пролетаризация» всех этносов, их объединении в одну группу в противовес богатым и имеющим власть;
 - b. более ранняя пролетаризация наиболее уязвимых для рынка горных народов – балкарцев и карачаевцев, которые меньше всего имеют возможностей для равноправного развития. В этом случае может возникнуть дисбаланс между этническими группами, что приведет к увеличению межэтнической напряженности.
2. Смена политического курса. Этот сценарий предполагает смену существующего баланса власти между различными этносами в сторону либо паритетного представительства всех народов (практически как в советское время), либо формирования власти на демократической основе, не взирая на этническое представительство. При первом варианте предполагается уменьшение влияния ведущих этносов (кабардинцев в Кабардино-Балкарии и карачаевцев в Карачаево-Черкесии) увеличение доли русских в правительстве и парламенте. В настоящее время доля русских в парламентах республик занижена: русские занимают примерно 20% голосов в парламенте Кабардино-Балкарии (при около 30% русских в республике) и 18% в парламенте Карачаево-Черкесии (при около 40% русских в республике).

Нынешнее социально-экономическое и политическое положение на Северном Кавказе вряд ли позволяет реализоваться второму сценарию. Кадровый консерватизм во власти, обусловленный соблюдением определенного этнического баланса, приводит к замедленной циркуляции элиты (Кисриев, 2003), что, в свою очередь, определяет экономический застой (яркий пример – Кабардино-Балкария).

4. Заключение

Почему все-таки после распада СССР и уменьшении государственных дотаций Кабардино-Балкария избежала крупномасштабных конфликтов, в то время как в Карачаево-Черкесии едва удалось избежать насилия? Кабардино-Балкария имела более совершенные и гибкие институты-гибриды на уровне а) элиты, б) использования и распределения ресурсов. Руководство постепенно переходило от партийно-советской системы к нынешней национально-олигархической. С активистами движений работали с уже отлаженными инструментами подавления, подкупа (кооптации). Бесконфликтность играла на руку власти.

В напряженной социально-политической ситуации в Карачаево-Черкесии были заинтересованы некоторые политики, в том числе и из центра. Мощной фигурой являлся Березовский, который баллотировался депутатом Госдумы от Карачаево-Черкесии и роль которого в

социально-политической ситуации на всем Северном Кавказе до сих пор полностью не выяснена.

Условия мобилизации в Карачаево-Черкесии были лучше, так как более чем треть населения республики составляют карачаевцы, среди которых много тех, кто лично пережил выселение всего народа в Среднюю Азию. В Кабардино-Балкарии такой же репрессированный народ – балкарцы – составляет лишь около 10% всего населения и проживает в основном в горной части.

В целом предотвращение конфликтного сценария в Кабардино-Балкарии связано с успешным захватом, удержанием и распределением власти и ресурсов на региональном уровне, нейтрализацией локальных лидеров и недопущением лидеров извне (подобных Березовскому в Карачаево-Черкесии).

В Карачаево-Черкесии, представляющей пример сохраняющейся напряженности, власть не смогла добиться быстрой концентрации полномочий и ресурсов, допустила существование нескольких, не могущих договориться между собой лидеров. К тому же она оказалась весьма уязвимой для влияния внешних актеров.

Aleksey Gunya, since April 2003 Research Fellow, Institute of East European Studies, Free University Berlin, and part of the research project „Accounting for State-Building, Stability and Conflict“.

Литература

- Аккиева С. Кабардино-Балкария. В кн.: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2002. Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: Авиаздат, 2003. С. 206-213.
- Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.
- Кисриев Э. Дагестан. В кн.: Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2002. Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: Авиаздат, 2003. С. 194-205
- Степанов В.В. Региональная экономика в контексте этнополитических проблем. В кн.: Этнические проблемы регионов России. Северный Кавказ. Калининградская область. Крайний Север. М.: Старый сад, 2002. С. 81-100.
- Таов П.К, Гуртуев А.О. Современные проблемы развития малого бизнеса в региональных экономических системах. Нальчик: Эльбрус, 2003.
- Ямсков А.Н. Традиционное землепользование кочевников исторического Карабаха и современный армяно-азербайджанский этнотерриториальный конфликт. ВКН.: Фактор этноконфессиональной самобытности в постсоветском обществе. Ред.: М. Олкотт, А. Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1998, с.168-197.